

ПОСЛЕ БОЯ СЕРДЦЕ ПРОСИТ...

Николай ФЛЁРОВ

В БУМАГАХ моих хранится пригласительный билет в Дом композиторов в Москве, помещавшийся тогда на Миусской площади, на прослушивание сюиты Ам. Васильева-Буглая, посвященной Военно-Морскому Флоту. Прослушивание состоялось в один из последних мирных дней июня 1941 года. Тут и встретил я Василия Ивановича Лебедева-Кумача, зашедшего по своим делам в Дом композиторов и потом уже завернувшего «на огонек» в одну из комнат, где прослушивалась наша сюита. Он посидел недолго, а в перерыве сказал мне несколько ободряющих слов и ушел. И вот с того июньского дня 1941 года я не видел больше Василия Ивановича до дня встречи на Северном флоте в 1943 году. Но читал и слушал песни его в те грозные месяцы чуть ли не каждый день. Кто не знает, что на второй день войны в газетах была напечатана «Священная война», ставшая гимном наших сражений и побед.

Тут я должен сделать небольшое отступление. Работая начальником отдела информации флотской газеты, я по совместительству ведал страницей юмора. В 1942 году мы придумали своего героя — боцмана Захара Авралова. Под этим именем печатались фельетоны, стихи и всевозможные байки. И мы договорились, что из стен редакции тайна этого имени не должна выходить. Пусть читатели думают, что есть такой Захар Авралов. И думали. И верили. В редакцию приходили письма на имя Авралова.

В это время, перед весной 1943 года, к нам на Северный флот в боевую командировку прибыли В. И. Лебедев-Кумач и композитор К. Я. Листов. Был, помню, редкий для Заполярья солнечный и даже довольно теплый день, когда я вышел на причал, чтобы встретить своих давних друзей по песне и по Москве. И вот уже вижу стоящего на мостике катера улыбающегося полковника береговой службы в черной флотской шинели. Это Василий Иванович. Он легко спрыгивает с катера на причал, подходит ко мне, обнимает и говорит во всеулышание:

— Ну, здравствуй, боцман Захар Авралов, здравствуй!..
Вот это, выходит, и газетная тайна: на флоте все уверены, что действительно есть такой боцман Захар Авралов, а в Москве, оказывается, отлично знают, кто это на самом деле!

У Василия Ивановича и Константина Яковлевича в те дни минутки свободной не было. Начальник Политуправления Северного флота Николай Антонович Торик говорил:

— Двое, а работают за троих! Он имел в виду еще аккордеон, что прихватил с собою из Москвы Листов, знал, что выступать придется во всяких условиях — в землянках, в маленьких кубриках. Вот тут и выручал третий член бригады — аккордеон. Листов играл и пел, а Лебедев-Кумач подпевал...

Однажды друзья пригласили меня побывать на их концерте на эсминце. Эсминец стоял у причала. Мы пришли туда в ясный апрельский полдень. В памяти остался один незабываемый момент. Василий Иванович сначала читал свои стихи. И как раз в ту минуту, когда он читал строки:

Кто сказал, что надо бросить
Песни на войне?
После боя сердце просит
Музыки вдвойне,

мы услышали сигнал воздушной тревоги. Я посмотрел на мачты штаба ОВРа и увидел поднимающийся там черно-желтый флажок «Твердо», что означало приближение вражеских самолетов. И на эсминце сыграли тревогу. Зенитчики разбежались по своим боевым постам. Концерт пришлось прервать. Куда деваться гостям в это время на кораб-

ле? Раз воздушная тревога, значит, на воздух, ближе к событиям. Так мы и стояли трое на мостике, неподалеку от зенитчиков, смотрели по направлению Кильдина и Губы Палой, откуда обыкновенно «вываливались» на нас «юнкеры». На этот раз дымки разрывов были где-то далеко, видно, до базы фашистов не подпустили. Но один «юнкер» все же прорвался — тут воясы заработали зенитки на нашем эсминце, а самолет, побросав бомбы в ложину неподалеку от причала, ушел восвояси.

— Ах, жаль, упустили! — негодовали зенитчики, расходясь после отбоя.

Концерт продолжался, и, естественно, Василий Иванович снова читал то же стихотворение:

После боя сердце просит
Музыки вдвойне...

Тут началась и музыка. Костя Листов играл на аккордеоне самозабвенно. Этот худой черно-волосый человек, с которым мы подружались в начале тридцатых, показался мне сейчас совсем незнакомым: я никогда не видел его в военной форме и никогда не был он так худощав. Василий Иванович выглядел свежо, юно, флотская форма молодила его. Он так вхоженно подпевал Листову, своему соавтору по многим флотским песням, что, и не имея голоса, производил впечатление настоящего артиста.

Вскоре оба они отправились на наш передний край — на полуострова Рыбачий и Средний. О том, как встречали их там, рассказал мне потом поэт Николай Букин, в то время редактор многотиражки на Рыбачьем.

— Мне позвонили из политотдела, что ночью прибудут к нам Лебедев-Кумач и Листов. Приказали встретить, накормить, согреть. Встречаем... В белых полушубках, валенках. Василий Иванович нам узнал, что за стенкой землянки — типография, сразу пошел туда: «Люблю запах типографской краски!» Несколько дней музыкально-литературная бригада ходила из подразделения в подразделение, выступая перед войсками со своими песнями и стихами...

В книге Ф. Поночевно «На краю земли советской» я прочитал несколько слов о посещении гостями из Москвы знаменитой батареи на переднем крае.

О Поночевном необходимо сказать особо. С первых дней Великой Отечественной войны он был помощником командира, а потом — командиром тяжелой морской батареи на полуострове Среднем, контролирующей вражеские суда, шедшие в Петсамо и из Петсамо. На счету североморских артиллеристов много потопленных фашистских кораблей. Фашисты чуть не срыгивали батарею с землей. А она продолжала жить, находясь неподалеку от единственного на всей западной границе так и не перейденного врагами нашего пограничного знака.

Федор Поночевный пишет в своей книге:

«Лебедев-Кумач прежде всего спросил о нашем знаменитом батарейном зайце. Оказывается, Лев Кассиль написал юмористический рассказ о том, как этот заяц чуёт появление самолетов противника раньше, чем их засекнут посты ПВО. Пришлось рассказать, как зайчишку оби-

В. И. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ.
Северный флот. Март 1943 г.

дел плохой человек... Дверь КП была открыта, и зверек исчез... Зато теперь на КП целый зоопарк — поллярная сова Соня, две пострадавшие от войны чайки, шенон Леди и представители кошачьей породы, кажется, первые в наших широтах — кто-то завез к нам двух котят, мы прозвали их Русланом и Людмилой, но оказалось, что это две кошки... Весь этот зоопарк мы показывали гостям, и они понимали, какую радость доставляет нам в нашей суровой заполярной жизни все, отвлечающее от крови, смертельной опасности и смертельной тоски по родным краям, близким людям, по Большой земле.

Гости приехали не только беседовать с нами, не только фотографировать, расспрашивать, но и развлекать, веселить, ободрить добрым и страстным словом. Лебедев-Кумач читал в землянке второго орудия стихи и фельетоны, рассказывал про другие фронты, Листов играл на баяне и пел свои песни...

В. И. Лебедев-Кумач и К. Я. Листов побывали в те дни 1943 года у пехотинцев и летчиков, у подводников и моряков надвод-

ных кораблей. И повсюду Василий Иванович не только выступал, но и много работал над новыми стихами и песнями. Так, побывав у летчиков, он написал песню «Морские орлы». Она была потом напечатана в ставшей библиографической редкостью книге «Североморцы».

Не мог не написать Василий Иванович и о Муста-Тунтури, о черном хребте, который он сам видел и который тогда разделял наши и вражеские части. Вернее, на вершине хребта были немцы, а внизу — мы. Стихотворение «У Муста-Тунтури» напечатано в «Избранном» В. И. Лебедева-Кумача. Однако была и песня, созданная тогда же на Севере на основе этого стихотворения. Недавно я перелистывал сборники фронтовых лет, изданные Политуправлением Северного флота, — «Боевая эстрада североморцев». И в одном из них за 1944 год увидел песню В. И. Лебедева-Кумача с музыкой Б. М. Терентьева «Памяти друга». Хочется привести ее целиком, потому что, во-первых, в других сборниках я ее не встречал, а во-вторых, потому, что она все же отличается от известного стихотворения «У Муста-Тунтури».

Мы были близко от врага
На Муста-Тунтури.
Лежали празднично снега
В сиянии зари.
Под небом голубым сверкал
Полярный белый мир.
«Вот здесь

я друга потерял, —
Промолвил командир. —

А как он лихо песни пел! —
И командир умолк.
Был ласен день и снег горел,
Как серебристый шелк.

Рождались выстрелы в дыму
Среди полярных снал,
И солнце грело, как в Крыму,
И белый снег сверкал.

И год пройдет, и два пройдет,
А не смогу забыть.
Погиб, когда мы брали дот.
А как любил он жить!

Бойцы стояли все в слезах,
Когда несли его.
И роту немцев стерли в прах
За друга моего.

Радостные, взволнованные, полные впечатлений и замыслов, возвращались в Полярное поэт и композитор. Им был отведен небольшой домик-коттедж на сопке с видом на залив. В те несколько дней, что гости должны были побыть здесь до отъезда в Москву, мы виделись ежедневно. Были и воспоминания о довоенных встречах, и чтение стихов, но главным для Василия Ивановича была работа. Причем работал он, видимо, по старой привычке по ночам, и рано утром. Он приходил в редакцию нашей газеты «Краснофлотец» обычно в полдень, час-два читал подготовленные мною материалы для отдела юмора, того же Захара Авралова, делал свои замечания и поправки, даже дописывал целые строфы. К сожалению, восстановить эти строфы невозможно. Потом была встреча с гостями в редакции на литературной «среде», на флотском совещании поэтов, прозаиков, композиторов и актеров.

На Севере появилось у Василия Ивановича много личных стихотворений. Особенно запомнилось «Птицы прилетают на Рыбачий», определенно навеянное и посещением переднего края, и встречами в Полярном, и наступающей весной:

Солнца свет по-юному горячий,
Сердце вспоминает о весне.
Птицы прилетают на Рыбачий,
Весело поют на Кильдине.

Знаю, что не кончились метели,
И зима вернется вновь и вновь,
Но в Полярном девушки запели
Про весну, про счастье и любовь...

Знаю, чем длиннее дни настанут,
Тем сильнее зарево войны,
Но сердца любить не перестанут,
И врагу не победить весны!

Он прочитал его впервые одним апрельским утром мне и Косте Листову в отведенной им комнатке домика над заливом. Я тотчас же взял у Василия Ивановича стихотворение, и оно было напечатано в газете «Краснофлотец». Стихотворение сразу стало популярным на флоте. Тем более что действительно наступала весна, и мы уже твердо знали, что «врагу не победить весны»!